

*Светлой памяти Любови Васильевны Матюхи,
великолепного преподавателя, прекрасного человека.*

Спасибо, что верили в меня.

Спасибо за спасенное детство.

За творчество в каждом уроке, в каждой встрече.

За вечность.

Часть первая

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА ВОСТОК

Трудно представить себе больший грех,
чем двуличие.

ПРОЛОГ

Как сложно... Не пойми меня предвзято, подбирать правильные слова — моя профессия. Я всегда умела находить тот самый подход к человеку, который помогал ему раскрыться. Но сейчас невыносимо. Невыносимо сложно писать тебе это письмо, потому что после него все перевернется.

Люди носят маски. У каждого — тысяча лиц, которыми приходится жонглировать, адаптируясь под обстоятельства. Работа, дом, семья, хобби. Разные проявления одного и того же человека часто настолько отличаются друг от друга, что знакомые, встретив его в непривычной роли, заявляют что-то в духе «оказывается, я никогда не знал тебя», «мне кажется, я всегда знал тебя с какой-то альтернативной стороны». Этих альтернативных сторон тысячи.

Пойми, нельзя судить человека по одному его проявлению. По тому, как он ведет себя именно с тобой. Прежде чем сделать выводы, анализируй информацию. Собирай ее. Все, до чего сможешь дотянуться, даже если тебе будет казаться, что это лишнее. Встречаясь с человеком, делай мысленную заметку: а какую роль он играет сейчас? Какую маску примерил, чтобы понравиться тебе или, наоборот, оттолкнуть? Так надо было смотреть и на меня. На мою историю. На мою жизнь. Которая, к сожалению, так сильно повлияет на твою.

Я не надеюсь, что ты меня простишь. Но я верю — ты обязательно меня поймешь. Даже если для этого понадобится целая жизнь.

Глава первая

НАСТОЯЩЕЕ. АКСЕЛЬ

*16 апреля 2003 года,
Треверберг*

Аксель Грин стоял на лестнице у красивого особняка. Хотелось курить, но детектив не мог найти в себе сил, чтобы поднести фильтр к губам. И поэтому застыл, глядя на соседний участок. Идеальный английский газон и ландшафтный дизайн, который не стыдно показать на обложке профильного журнала. Идеально выкрашенный коттедж. Вычурность. Фальшивая безупречность.

Грин глубоко презирал и то и другое. В этом не было жизни. Или, может, он просто не представлял себя в обществе тех самых людей, за которыми охотится желтая пресса? Впрочем, за ним она тоже охотилась. Но не потому, что он был рожден в одной из правящих семей города. Его сковывала слава иного рода, и повлиять на нее детектив оказался не в состоянии.

Огонек обжег пальцы, и Грин вздрогнул от неожиданности. Выронил сигарету. Приглушенно выругался, проследив за ее полетом, и пообещал себе забрать окурочек, когда спустится во двор. Позже.

Грин медленно набрал в грудь теплый апрельский воздух, наполненный ароматами пробуждающейся природы, выдохнул, прикрыл глаза. Стянул резинку с волос и автоматически заново собрал хвост. Посмотрел на особняк, где его ждало тело. Он уже осмотрел место преступления с привычной дошностью. А потом увидел то, что заставило его тут же вый-

ти, сбежать по лестнице, взять сигарету и провалиться в себя. Он оказался не готов, совсем не готов к подобному и теперь глупо надеялся, что ошибся, что воображение и память сыграли с ним дурную шутку и чуть позже ДНК-тест покажет, как же Аксель наивен и как легко его сбить с пути призраками прошлой жизни. Надеялся, что чутье его подвело. Но в глубине души знал: его проклятие в том, что он не ошибается. Не в подобных вещах.

Грин встряхнул руками, как будто в попытке избавиться от лишней влаги, снова вздохнул и, развернувшись, направился в дом, где уже копошились криминалисты, расставляя свои вечные таблички, прокладывая дорожки, за пределы которых заходить нельзя. Щелкал затвор фотокамеры. Сотрудники полиции негромко переругивались между собой. Но никто не шутил и не смеялся.

Аксель стремительно пересек просторное фойе, нелепо отделанное мрамором, поднялся по лестнице, чувствуя себя так, будто не идет на второй этаж, а покоряет Эверест. Нужно заставить себя еще раз все внимательно осмотреть. Потом дожидаться Карлина с очередным учеником, которых знаменитый профайлер за последний год сменил с пяток. Обменяться мнениями. Доктор Марк Карлин начал выезжать на места преступлений не так давно, и Грин ценил его присутствие. Хотя сейчас втайне надеялся, что профайлер появится позже. После всего пережитого их объединяла не только работа, но и крепкая дружба, и Аксель не хотел, чтобы Марк заметил его состояние.

Лестница закончилась слишком быстро. Детектив замер на втором этаже, рассеянно наблюдая за тем, как очередной стажер-криминалист прокладывает дорожку для сотрудников. Парнишка поднял голову. Его лицо вытянулось. Вряд ли он не ожидал увидеть здесь прославленного коллегу, но ко встрече оказался явно не готов.

— Пройду? — хриплым от напряжения голосом спросил Грин.

Тот лишь кивнул, глянув на ботинки детектива. Бахилы, скотч: Аксель давно работал в полиции, процесс осмотра места преступления был отработан до автоматизма.

Грин аккуратно перешагнул через не закрепленные пока деревянные дощечки, подошел к двери, которую предусмотрительно прикрыли. Вытащил из кармана пиджака латексные перчатки и на мгновение закрыл глаза.

Это не самое ужасное преступление, которое ты видел, Грин. Не самое страшное убийство.

Черт.

Его уже давно нельзя было удивить жестокостью. Шесть лет службы в засекреченном отряде, который выполнял самые опасные задания по всему миру, более десяти лет работы в полиции, десятки раскрытых дел о серийных убийцах. Да, он должен был привыкнуть ко всему. Но не к подобному.

Во второй раз за этот долгий и сложный день заходя в светлую комнату, Грин вяло подумал о том, что же такого он натворил, где проштрафился, что жизнь снова подкидывает ему жестокое испытание.

Она (даже в мыслях Аксель не мог назвать ее жертвой) все так же лежала на постели. Хрупкое стройное тело, белая кожа, ухоженная, лишенная каких бы то ни было лишних пятен, легкая сеточка растяжек на бедрах — видимо, она резко сбросила вес. Светлые золотистые, будто наполненные солнцем волосы аккуратно разложены вокруг головы и по плечам. Тонкие ключицы, которые так и манят. Возраст определить сложно: высокая небольшая грудь все еще упруга, а кожа в тонусе. Светлое облако волос в паху. Убийца не посчитал нужным ее прикрыть. Поза такая безмятежная, такая спокойная. Руки свободно лежат вдоль тела, ноги расслаблены. Она будто прилегла отдохнуть и провалилась в глубокий сон. Никакой крови.

Грин нехотя поднял глаза выше — туда, где должно было находиться лицо.

Но его не было. Его сняли, как скальп.

Поддав нетипичное для него головокружение, детектив подошел ближе, с трудом заставляя себя впитать все, что видит. Любая деталь поможет поймать преступника. И Аксель обязан воспринять и запомнить каждую мелочь. Он привык опираться на первое впечатление, раскручивая расследование через несостыковки и подсказки, которые находятся всегда —

даже в условиях отсутствия улик. И обычно осмотр места преступления его будоражил, разгонял стремление приложить максимум усилий, пробуждая азарт. И какой бы ужас убийца ни учинил, будь то смерти детей, кошмарные инсталляции или пытки в подвалах, Грину никогда не делалось страшно. Неприятно, омерзительно — но не страшно. А сейчас его оглушило чувство, похожее на шок. Скорость мысли снизилась, Акселью было сложно обрабатывать информацию, как будто кто-то недобро пошутил и нацепил ему на голову пыльный мешок.

Аксель не дышал почти минуту. Он стоял рядом с кроватью и безучастно смотрел на женское тело с прекрасными чувственными линиями, пожалуй, слишком бледное, но еще не покрытое трупными пятнами, еще чистое, гладкое, как будто живое.

Стерильная комната, вымытый труп, идеальный порядок. Все это напоминало музей — или мавзолей. Если бы не одна деталь.

С трудом, будто кто-то сковал его шею и вместе с ней душу, Аксель повернул голову туда, где под ярким светом лампы стояла гипсовая голова, обращенная лицом вверх. А на ней лежала кожа. Убийца постарался. Он не просто швырнул лоскут, он аккуратно разложил его и воспользовался косметикой, чтобы придать ему достоверный вид, чтобы придать ему схожесть. Схожесть, которую Грин не мог не заметить.

Оставался только один вопрос: это удар в него? Или совпадение?

Что она делала в Треверберге? Она не пыталась связаться с ним с тех пор, как они расстались много лет назад. Никак не давала о себе знать, а Грин не отслеживал ее перемещений, не искал о ней сведений, не хотел бередить душу.

Иногда он отчетливо представлял, что когда-нибудь они встретятся за чашкой крепкого кофе, улыбнутся друг другу. Он спросит, счастлива ли она, она ответит утвердительно. И не задаст ему никаких вопросов, потому что знает, как он не любит вопросы о личном. Они проведут в молчании несколько часов, а потом каждый отправится в свою новую жизнь. И он сохранит в сердце все, что объединяло их когда-то. Свою первую страсть, первую любовь, первое откровение, первое

расставание. А она — тот единственный раз, когда отдалась на волю безумно вспыхнувшим чувствам. Он почему-то верил, что единственный. Несмотря на разлуку в четырнадцать лет.

Аксель протянул было руку, но тут же ее отдернул. Он на месте преступления. Непозволительно так расслабляться. Детектив хотел отвернуться, но не смог. Мертвое лицо на гипсовой основе смотрело на него пустыми глазницами. И в нем Грин видел отражение самого себя, неба и прошлого, ко встрече с которым был решительно не готов.

Он медленно вздохнул и вздрогнул, когда чья-то рука легла на плечо. Резко обернулся.

Марк Карлин кивнул и убрал ладонь. Он выглядел, как всегда, безупречно и элегантно. Каштановые волосы, в которых за последние полтора года появилось много серебра, тщательно уложены, но одна прядка выпущена на свободу и падает на лоб. Лицо гладко выбрито, вид спокойный, никаких синяков под глазами или припухлостей. Профайлер одет в темно-синюю рубашку без галстука. Часы на запястье приглушенно мерцают, привлекая внимание. Элегантен и безупречен до оскомины. Как всегда.

— Кто-то устроил нам настоящее представление, — негромко сказал Марк, так легко входя в разговор, что детектив на мгновение опешил.

Аксель сейчас не мог с такой скоростью переключиться между собственными мыслями, страхами и сомнениями и ворвавшимся в его уединение Карлином.

— Привет, — вяло откликнулся Грин. — А где твой хвостик номер пять?

— Ада? — почти не удивился Марк. — Внизу. Составляет впечатление о доме.

— Ада?

— Ада Розенберг, моя ученица, закончила академию, спецкурс по профилированию...

— Избавь меня от лишних подробностей, — отмахнулся Грин, слегка раздраженный наличием очередного стажера и одновременно обрадованный тем, что ему самому никого учить не нужно.

— Почему он лишил ее лица и выставил его напоказ? — сменил тему Карлин.

— Это маска, — негромко проговорил Грин, наконец сумев облечь в слова то, что не давало ему покоя с мгновения, когда он увидел тело.

Маска. Двуличие. Убийца срывает лицо и бросает его под ноги полиции, мол, вы не можете это пропустить. Что главное в этой композиции? Безупречное тело? Отделенная кожа лица? Почему-то казалось, что лицо. Убийца направил на него свет, в то время как кровать освещалась естественно. Да, входя в комнату, ты сразу замечал тело и не сразу понимал, что в этой прекрасной неподвижности не так. А потом поднял глаза — и увиденное свергло тебя в ступор.

Профайлер смерил Грина внимательным взглядом карих глаз, будто задавая вопрос: а с чего детектив решил делать его работу? Но на самом деле Аксель уловил в этом взгляде другое. Надо собраться. Пока не подтвердится личность, нельзя давать слабину и рассказывать, что он знал эту женщину. Если выявят личную заинтересованность, попытаются снять с расследования, а он хотел прижать к стенке очередного монстра-психопата, который способен на такое.

Детектив расправил плечи и вернул другу прохладный взгляд темно-синих, почти почерневших от напряжения глаз. Привычный гриновский взгляд, в котором не читались эмоции.

— Снял лицо, открыл истинное нутро? Безобразное? Может, она модель или актриса? Стоит снять размалеванную маску — обнаружишь лишь мышцы и кости?

Аксель легко повел плечами. Резкая речь Карлина его не тронула.

— Может, и так.

Только, если Грин не ошибся, она не модель. И не актриса. И даже не телеведущая.

— Следствие покажет, — усмехнулся Марк. — Надо собирать группу? От отдела профилирования будем я и офицер Розенберг.

Аксель с недовольным видом достал телефон.

— Стажеры. Опять.

Упавший окурок Аксель подобрал и выбросил. А потом прыгнул на мотоцикл и отправился в управление, старательно избегая любого контакта с коллегами. Ему нужно было решить, кто в этот раз войдет в следственную группу. Грин работал один, после дела Рафаэля официально в его отдел никого не относили, но дали право выдергивать сотрудников с нужными компетенциями. Нужно взглянуть на отчет судмедэксперта, согласовать выделение пары-тройки «бюрократических рабов», на которых можно повесить рядовые опросы и сбор информации, и решить, кто будет присутствовать на планерках.

Аксель поехал не в управление. Он остановился у ближайшей парикмахерской. Снял шлем, с некоторым сожалением провел рукой по волосам. А потом, коротко вздохнув, слез с мотоцикла, поставил его на центральную подножку, забрал ключи и открыл дверь.

В эту минуту он четко понимал, что делает и почему. Надежда умирает последней, но он был уверен, что анализ ДНК сюрприза не принесет, и действовал рефлексивно — так, как учила она, так, как выживал в течение многих лет. Чтобы раскрыть это дело, ему нужно вспомнить, кто он такой. За потрясениями последних лет он совершенно себя растерял. А он военный. Элитный солдат, участвовавший в бесконечном количестве операций, о которых даже не писали в газетах.

ПРОШЛОЕ. АННА

3 апреля 1987 года, пятница

20:02, кажется

Место указать не могу, запретили, Ближний Восток

Смешная особенность. Я каждый раз дважды смотрю на часы, когда собираюсь писать в дневник. Первый раз отме-